

БЕСЕДА, наверное, уже тривиальный жанр, однако она все еще остается одним из главных способов контакта широкого читателя с личностью интересного человека. Я сижу в рабочем кабинете Юрия Марковича Нагибина и беседую с ним, как говорится, на общие темы. То есть о том, что волнует общество и каждого из нас в отдельности, волнует и будет волновать, наверное, всегда.

— Юрий Маркович, редакция попросила меня побеседовать с вами о культуре — в самом широком смысле этого слова. Как вы вообще определяете слово «культура»? Что это такое? Я вижу две противоположные точки зрения. Одна из них заключается в том, что в культуре видится некий смысл всей духовной жизни человечества, другая точка зрения заключается в том, что главная ценность и искусство, и человеческой мысли видится только в их личностной сущности, в их единичности. Ницше, например, писал, что культура — это кража, и люди, которые оформляют достижения мудрецов и великих художников в некое целое, что ли, «культурный ряд», «собирают пот с тел героев». А какая точка зрения ближе вам?

— Культура — это духовный опыт народа. Этот опыт включает в себя и индивидуальный опыт людей. И творцов, и нетворцов. Духовный опыт народа — это опыт всего бытия. Это и все виды искусства, все виды умственной деятельности, образ мышления общества, его цели... А вообще, культура — это ощущение своего бытия как части какого-то единого общечеловеческого бытия. Это ощущение своей эпохи, своего времени.

Индивидуализм же считает, что важнее всего отдельная человеческая особь. Но с этой точкой зрения уже раздалась литература конца девятнадцатого и начала двадцатого века. Возьмем хотя бы трилогию Юхана Бергена о Маленьком лорде. Были и другие книги — и очень хорошие. Индивидуализм когда-то сыграл и положительную роль — в известной степени. Он возвысил человеческую личность. Вспомним, например, обаяние первых романов Гамсуна. Еще раньше проповедовал такой возвышающий человека индивидуализм Байрон. Была идея самостоятельности и силы, достоинства человеческого существа. Писатель показывал, как прекрасен каждый отдельный человек. Герои уходили в природу, в леса — все это было замечательно. Шел добрый культурный процесс выделения ярких, сильных, самобытных людей. Тогда это было хорошо: и поднимало человека, и работало на культуру в целом. Ницше тоже был частью культуры, он повлек за собой массу продолжателей и последователей, они развили его учение и спорили с ним, и все это было включено в общий культурный процесс.

Тема индивидуализма сама по себе очень интересна, потому что она в разное время принимала разные формы. Например, Генри Дэйвид Торо... Его герой Уолден ушел в природу, слился с ней. Однако он не проклинал человеческое общество, он просто считал, что здоровое начало живет в природе, а не среди людей. В принципе это был протест против буржуазного ополнения... Очень много здорового было в том бегстве от общества. А потом в истории наступил момент, когда все эти замечательные идеи превратились в свою противоположность. Юхан Берген проследил жизненный путь славянского музыканта, почти вундеркинда, потомка высокоинтеллектуальной семьи, который приходит к полному душевному краху, хотя на своем пути порой совершает поступки даже прекрасные — спасает группу людей, которые бегут от нацистов, и так далее... Но в целом герой Бергена страшен. Повернись в нем что-то не так — он может и предать.

Многие деятели культуры проповедовали «уход в природу». Например, Пришвин. Его именно за это не любил Андрей Платонов, считал, что Пришвин «нечеловечен». А сам Платонов утверждал, что главное в мире — это человек. Носитель и всех этических начал, и культуры... Платонов, кстати, обладал большой эрудицией, знал чуть ли не все философские течения...

Но мы отвлеклись, а вообще вопрос об индивидуализме меня очень интересует, тем более, что сейчас на Западе, как мне кажется, он опять появляется и в кино, и в литературе. Есть какая-то тяга к созданию в книгах и на экране сильной личности, которая мало зависит от окружающих, действует вопреки всему... Появляется неприятие культуры, причем начинают бороться с пол-культурой, а потом переходят на культуру вообще и становятся как бы вне культуры... Опять становится модной тема пустыни, джунглей, Африки, куда хотят спрятаться герои от индустриального мира...

— А вам не кажется, что это форма протеста против нивелировки отдельной личности в современном механическом мире?

— Конечно, есть тут и протест — особенно против американизации, которая захлестнула многие страны...

— А в нашей культуре есть подобные тенденции, на ваш взгляд?

— Понимаете, я, к сожалению, плохо знаю теперешнюю молодежь, в такие явления прежде всего проявляются среди молодежи... Поэтому не могу с полной уверенностью говорить об этом. Но у нас тоже есть проблемы, которые приводят к таким явлениям.

У нас слишком тесная, но формальная сплоченность. Вообще, когда слишком тесно, возникает черная дыра. Раньше ребенок воспитывался в семье. А сейчас он проводит большую часть времени в коллективе. И вот идет процесс: вместо индивидуального влияния отца и матери на ребенка постоянно оказывают воздействие его сверстники и один какой-нибудь руководитель группы этих сверстников — будь то воспитатель детского сада или учитель в школе... Это с одной стороны.

А с другой стороны... Раньше было так: в Москве почти каждый дом имел двор. Там была своя иерархия. Там мы не были постоянно в среде только своих сверстников, там были и младшие и старшие, и это делало наше развитие более богатым. Кому-то покровительствовали мы, кто-то покровительствовал нам... С кем-то мы спорили, хотели прорваться в «высшее общество»... А сейчас малыш находится со

своими однолетками все время. Это, на мой взгляд, плохо... И вообще, пропало то доброе общение, которое раньше давал двор.

— Но пишут во всех газетах: нам плохо, что молодежь собирается на улице, слоняется без дела...

— Сейчас не собираются! Дворов-то нет... Дома-башни лишены дворов... Ребята не собираются — они действительно слоняются, мотаются где-то, трутся у подъездов... А двор — целый сложный организм. У нас были голубятники, велосипедисты, которые черт-те что могли делать на велосипедах. Посреди двора мы заливали каток, играли в хоккей, летом играли в футбол, в волейбол... Мы создали там потом свой клуб, и не такой клуб, который должен получать премии на международных, всесоюзных и прочих там конкурсах, а просто наш клуб, где каждый кто умел что-то делать, это и делал. У нас были и мушкетеры, и на шпагах мы сражались, были красные дьяволята, и дрались мы двор на двор, и враги у нас свои имелись — но ничего страшного в этом не было. Никто не погиб! Было множество разных интересов... Кто любил рисовать, кто любил оперу, потом мы все собирались и пели эту оперу страшными голосами... Был целый мир! Разнообразный мир, который воспитывал!

— А сейчас...

— А сейчас нарушена какая-то правда всего этого... Вот я был в Италии, там снова наполнились кинотеатры... А почему? Потому что надоел телевизор, надоело сидение дома. Люди хотят общаться! Мне кажется насильственным отторжение от первого в жизни естественного коллектива, каким является двор... Там шли любые разговоры, там многое в жизни постигалось.

Соседи моего детства говорили и о любви. И ничего грязного и пошлого в этом не было. Беда в другом: в отсутствии настоящего общения. В затерянности человека. Раньше хоть что-то было: например, молодежные кафе, и не так давно, кстати...

— Сейчас открывают такие кафе, но мало кто хочет туда ходить...

— Я не знаю, каковы они сейчас, но раньше это было живое, хорошее дело. Никто никакой программы там не вел, все возникало спонтанно. Это было совсем недавно, где-то в шестидесятые годы... А в пору моей юности таких кафе не было, но существовало множество всяких кафе-мороженых. И в каждом что-то происходило. В одном, например, показывали какие-нибудь фильмы... Нам там было очень приятно сидеть, мы чувствовали себя взрослыми, сидели, пили удивительно вкусный кофе «кайс-крем-сода»... Нам было по 14—15 лет. Мы общались, разговаривали, слушали музыку... Клубы были настоящие клубы. Клубы рабочей молодежи были клубами именно для рабочей молодежи. Одни там танцевали, другие рисовали, третьи вышивали, четвертые выпиливали лобзиком... Каждый день находили себе применение.

А сейчас в клубах происходит дублирование профессиональной эстрады. Иногда уровень там даже выше, чем на профессиональной эстраде. Профсоюзы у нас очень богаты — поэтому покупают первоклассные костюмы, самое лучшее электрооборудование... Потом показывают, по телевизору: и исполнение, и все остальное у самодеятельных коллективов нередко лучше, чем у профессиональных. Вот чемпионы по танго, считается ведь, что это — зилловская самодеятельность! Никакие аргентинцы с ними не сравнятся. Совершенно профессиональные люди. Конкурсы таких ганцоров — совершенно профессиональный конкурс, никакой человек со средним слухом и средними способностями даже не выйдет танцевать рядом с ними. А простые вечера танцев пропали. В клубы пускают по пропускам. Просто так прийти туда — сыграть в пинг-понг — нельзя, потому что ракетки украли, сетки нет и тому подобное. А когда приходят те, кто тянет на первый разряд, все это появляется. Потому что он может принять участие в конкурсе, получить кубок, который можно будет поставить за стекло, и получить профсоюзную премию, а кто-то там еще и на повышение пойдет. Ведь все эти знаменитые дворцы культуры — это, конечно, никакие не клубы рабочей молодежи, а просто филиалы Мосфилармонии, Москонцерта...

Опять вспоминаю свой двор: там говорят о чем хочешь, играют в шахматы, там влюбляются... А сегодняшний подросток? Сидеть у телевизора, у этого надоевшего ящика? Скуча! А что делать? Ну, выйди ты на эту пустую, мрачную, плохо освещенную улицу — там будут такие же неприкаянные тени. А с девушкой некуда деться! Разве что у кого-то отдельная комната...

— А вы куда девались?

— У нас тавочки были! Садик, лавочки... Причем это был Армянский переулок — центр Москвы! Сидели на крылечках старые тетти, пели деревенские песни, хотя давным-давно переехали из деревни... В другом дворе играл патефон, там я впервые услышал Утесова, танго... Был огромный мир! Где-то был Кустодиев, где-то был конструктивизм, а где-то голубятни, как и в начале века, а где-то мы пели «Риголетто», причем знали все от первого до последнего слова. Целый мир: там — мушкетеры, там — казаки-разбойники, там выясняют, кто первый по силе: Вовка-Ковбой или Витька Захаров... Сегодняшняя Москва — огромный город против города моей юности, но разобщенный. Лишенный общения.

Вот были прекрасные читальни в Москве. Была, например, читальня имени Тургенева. Среди ее посетителей были академики Капица и Семенов, известные писатели. Все мое поколение прошло через эту читальню. Она находилась на улице Кирова, бывшей Мясницкой... Именно читальня, там на руки книг не давали. Прекрасное место для чтения: тихий зал, все как полагается... Причем там устраивали литературные вечера, дискуссии; я, будучи уже взрослым, там не раз выступал.

— Этот дом снесли?

— Снесли! Сделали какую-то бессмысленную площадку... Сейчас на этом месте ничего нет. Еще один лишний пустырь. Машины там не ходят, развязки транспортной никакой нету, то есть никакого смысла нет вообще. Снесли, даже не подумав: «Зачем?!» Недавно мне звонила бывшая заведующая этой библиотеки. Сказала, что обещали дать помещение где-то в районе Преображенки. А там уже есть три библиотеки с читальнями залами.

А в той читальне все делалось с огромной любовью... Подбор книг был прекрасный. Там работали настоящие энтузиасты. Когда я там выступал, приходили самые разнообразные люди: школьники, рабочие, студенты, служащие... Туда все ходили. В Ленинской библиотеке, зака-

Юрий НАГИБИН: «КУЛЬТУРА — ЭТО ОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

за ценную книгу, нужно долго ждать, а в Тургеневской можно было эту же самую книгу получить в две минуты — там очень быстро работали. Четко, здорово. Вообще, это был, как говорится, замечательный культурный очаг. И его уничтожили. Ради чего? Ради этого пустыря? Ради ничего. Никакой красоты, никакой радости в этом пустыре нет.

Москве надо подумать о своих площадях. Вместо них, как они исторически сложились, существуют размытые очертания пустырей. Вот я, скажем, никогда не мог понять: для чего такая гигантская площадь рядом с Манежем? Хоть бы ее для стоянки машин использовали.

— А раньше там что было?

— Вот видите: вы уже не знаете... Раньше там были здания. Хорошие старые здания. Сейчас вообще увлечение делать площади. Ради этого сносят дома — и хорошие дома! Как снесли, например, Литературный музей. Вот пожалуйста: мы говорим с вами о культуре, а между тем у нас в Москве сейчас, по сути дела, нет Литературного музея. Вернее, мы не можем познакомиться с его сокровищами. Он был на Якиманке — на улице Димитрова. Ее расширили — это теперь трасса. Но я думаю, что Литературный музей стоил не меньше, чем удобства дорожного движения. Замечательный музей в старом здании. Там были выставки великолепные, и писатели выступали... Сейчас остался только один филиал — на Патровке. Как филиал он вполне годится, но он и не претендует на то, чтобы быть Литературным музеем.

Легко все уничтожить, трудно восстановить!..

Никогда, наверное, не был так важен вопрос сохранения культуры, как сегодня. Потому что мы переживаем время, чрезвычайное глобальным уничтожением. А что такое в конце концов культура? Культура — это очеловечение человека. Невысказанная цель культуры в том, чтобы человек стал равен тому, что он есть, но о чем он зачастую забывает.

— Манделштам писал, что сила культуры — в непонимании смерти, это есть главная черта гомеровской поэзии. Под гомеровской поэзией тут имеется в виду, по-моему, вообще эпос, эпический взгляд на рождение и на смерть как на закономерные события, происходящие со всеми живущими существами под солнцем... Лирика, напротив, рассматривает это под углом зрения отдельной личности, отдельного единичного существа... Вам, как я понял, ближе эпическая точка зрения?

— В общем, да... Культура избавляет от страха смерти, она дает тебе ощущение соучастия в вечном. Ты можешь ощущать себя частицей великого, мирового, таинственного и, видимо, нужного для чего-то процесса. Ведь если нет бога, то культура заменяет нам все. Культура включает в себя понятие совести. Она дает право чувствовать, что ты — участник великого общественного мирового бытия.

— То есть культура заменяет религию?

— Конечно! Дело даже не в словах, а в существе вопроса. Я боюсь таких прямых определений, но в какой-то мере культура не оставляет человека один на один с пустой черной бездной мироздания. Культура делает тебя тружеником в ряду общих мировых усилий, которые начались с того самого момента, когда первый человек нарисовал в пещере что-то напоминающее бизона или женщину... Это и есть бессмертие.

Видите: мы с рассуждений о московских дворах пришли к таким проблемам. Но все это в самом деле взаимосвязано. Сейчас все вот удивляются бездуховности молодежи... А она не так уж и бездуховна, как это кажется. Об этом пора говорить. Есть у нас очень духовная молодежь. У нас вообще сейчас слово «культура» перелаживают как хотят. Говорят, например: «Культурно посидели». Я слышал даже: «Культурно умерла». Или: «Культурно выпили». Отдохнули же «культурно»...

— Культура -- это не отдых!

— Культура — это усилие. Она требует от человека усилий. Дармовой культуры не бывает. Поп-культура требует минимальных усилий, но и это лучше, чем ничего. Телевизор требует очень малых усилий. Поход в кино — все-таки какое-то действие, ты одеваешься, идешь... Раскрываешь книгу — есть сопричастность.

— В этом смысле все большие свершения культуры требуют больших усилий, даже труда для их осмысления...

— Ну конечно!.. Я говорю сейчас о более простых, даже очевидных вещах. А если говорить вообще о мировой культуре, то она требует громадной сосредоточенности души, огромной внутренней дисциплины. И времени, и сил, даже физических сил... Но, как говорил Пушкин, «мы ленивы и нелюбопытны». Надо помогать человеку в приобщении его к великой культуре!..

Объять все проблемы культурных традиций в одном разговоре невозможно, ясно только, что даже на первый взгляд мелкие культурные традиции нужно спасать и развивать.

Беседу вел Егор РАДОВ